

**Гребенщиков
Николай
Андреевич**

Краткий библиографический справочник

Центральная районная библиотека

*Литературно-
библиографическая серия
«Дарованье»*

Гребенщиков Николай Андреевич

Краткий библиографический справочник

Составитель: Г. Сергеева

Беломорск
2015

Содержание

От составителя.....	3
Л. Зайцева. Николай Гребенщиков.....	4
Н. А. Гребенщиков. Автобиография.....	5
Произведения Н. А. Гребенщикова	12
Публикации в периодических изданиях.....	12
Публикации в сборниках.....	13
Публикации о жизни и творчестве Н.А. Гребенщикова	14
Н. Гребенщиков. Счастливый причал.....	15
Н. Гребенщиков. Родовое гнездо.....	22
Н. Гребенщиков. От автора.....	24
В. Судаков. Николай Гребенщиков: «Небо под руки во- дить».....	26
К. Гнетнев. Памяти поэта Николая Гребенщикова.....	29
А. Хватков. Совесть читателей пока спит.....	37

От составителя

Предлагаемый краткий библиографический справочник включает автобиографию, очерки поэта и статьи о нем, библиографический список публикаций произведений и литературы о беломорском поэте, члене Союза Писателей Карельской АССР, члене Союза Журналистов СССР Н. А. Гребенщикове.

Отбор литературы закончен 1.09. 2015 г.

Список литературы состоит из следующих разделов:

1. Произведения Н. А. Гребенщикова
2. Публикации в периодических изданиях
3. Публикации в сборниках
4. Публикации о жизни и творчестве Н. А. Гребенщикова

Список литературы предназначен широкому кругу читателей, интересующихся творчеством поэта, библиотекарям, для подготовки обзоров о творчестве Н. А. Гребенщикова.

Все издания, представленные в списке, имеются в фондах Беломорской центральной районной библиотеки и Национальной библиотеки Республики Карелия.

Любовь Зайцева

Николай Гребенщиков

Николай Андреевич Гребенщиков родился в селе Николаевка Бирского района Башкирской АССР (сейчас-республика Башкортостан). Началом творческой деятельности стало стихотворение «Апрель в коротеньких штанишках», прозвучавшее 13 апреля 1963 года на Всесоюзном радио «Юность».

Долгий период своей жизни (с 1969 по 1991 годы, с незначительными перерывами) поэт жил и работал в республике Карелия, где в основном и публиковался в многочисленных изданиях. В 1987 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Первый сборник стихов «Студеный причал» вышел в 1976 году в издательстве «Карелия» (г. Петрозаводск). В 1986 году в этом издательстве увидел свет второй сборник «Ветер над морем». Третий большой сборник «У Гандвика на берегу» вышел также в Карелии, в издательстве «Периодика» (г. Петрозаводск), уже много лет спустя – в 2008 году. В Беломорской ЦБС самиздатовским путем были выпущены три брошюры – «У Гандвика на берегу» (малый вариант сборника), «Яблоки Елабуги. Моление о Марине» (поэма), «Ноль и бесконечность».

На днях у Николая Гребенщикова вышла книга стихов «Долгий ящик» или как он сам называет «оштрафованные строфы». «Оштрафованность» - недозволенность увидеть свет. Мне Николай выслал электронный вариант, так как все его печатные книги, выпущенные Беломорской библиотекой и книга «У Гандвига на берегу» создавались на протяжении нескольких лет, путем длительной переписки и согласований с автором. Многому он научил нас в «издательском деле», чтобы книга увидела свет в достойном виде, после окончательной подписи автора - «В свет».

Николай Андреевич Гребенщиков

Автобиография

Я, Гребенщиков Николай Андреевич, родился 15 сентября 1943 года в селе Николаевка Пономарёвского сельсовета Бирского района Башкирской АССР в семье советских крепостных колхозников, членов колхоза "Россия". Отец, Гребенщиков Андрей Евдокимович, выходец из беднейших слоёв населения, окончив бухгалтерские курсы в Бирском реальном училище, работал в колхозе "Россия" сперва зав. свиноводческой фермой, потом учётчиком на молочно-товарной ферме, и, наконец, до самой смерти в 1958 году оставался кладовщиком на колхозном складе. Помер он от тяжелых ранений, полученных им на передовой во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Свои раны он залечивал в воинском госпитале в г. Фергане (бывшая Узбекская ССР). Из 18 осколков хирурги удалили отцу только 11, а с остальными семьёю он трудился в колхозе, наотрез отказавшись от инвалидной пенсии по линии военкомата.

Мать, Богомолова Наталья Феодоровна, также из беднейших слоёв. С 12 лет работала конюхом в колхозе "Россия", а во взрослой жизни бригадиром садово-овощеводческой бригады. Образование у мамы 2 класса церковно-приходской школы, но она бойко освоила арифметику и грамматику русского языка и писала почти без ошибок. Воспитывала меня бабушка по линии отца, вторая жена дедушки Евдокима Петровича Гребенщикова Феодосия Ильинична. Дату своего рождения она не помнила, а документальных следов не сохранилось ни в каких источниках. Так что я бабушкин сынок, ибо родители уходили на работу ещё затемно и возвращались с работы в колхозе, когда я уже спал.

Порядки при советском крепостном праве были ещё те. За опоздание на работу на 10 минут строгий выговор, за второе штраф, а за третье определяемый срок принудительных

работ, по сути та же "химия", как теперь говорится. И выходные дни определялись собранием членов правления колхоза. О восьмичасовом рабочем дне и шестидневной неделе никто в пору даже и мечтать не смел. В первый класс начальной школы я пошел на две недели раньше, чем мне исполнилось 7 лет, мог бы ещё годик погулять, но мне страстно хотелось учиться. В школу я пришел, умея читать и писать, петь и рисовать. Знал множество стихотворений как на русском, так и на немецком языке. И говорил одинаково хорошо на обоих языках, спасибо урокам бабушки Феодосии, поскольку она происходила из немцев Поволжья. Мама рассказывала, что дед Овдоня, мол, вторую жену купил себе на ярмарке в Нижнем Новгороде, куда ездил торговать корзинами или купить чего по хозяйству.

Первой учительницей у меня была Анна Ивановна. Фамилию ее теперь точно не помню, кажется Гурьева. Она была приходящей, из Бирска. Дальнейшую судьбу ее, к сожалению, не знаю.

Школа находилась возле расхристанной активистами села церкви, в реприрированном у священника доме. При советской власти в ней была колхозная мельница. А священник, отец Леонтий (в миру Сатюков) вместе с матушкой и домочадцами был послан так далеко, что не может вернуться на малую родину с большой до сих пор. Его родная дочь Мария Леонтьевна Сатюкова извлекла уроки из родительской судьбы, стала атеисткой и до самой смерти активно участвовала в культурной жизни села, оставаясь учительницей. Похоронена она на Николаевском сельском кладбище.

С Николаевской школой у меня была напряжёнка. Бабушка меня воспитала по-немецки, приучив к пунктуальной исполнительности и жизни без вранья. От этого я сильно страдал в своей среде не только сверстников, но и взрослых. Много позже я понял, что жизнь в Советском союзе

замешана на вранье, на выдавании желаемого за действительное. Ещё в 1917 году В. И. Ленин писал и говорил, что, если мол, в любой заметке или корреспонденции, "поступившей с мест" есть доля правды процентов на десять, значит, уже можно публиковать в газете "Правда", что и делалось вплоть до 1985 года - перестройки. Вернусь к школьным годам. Директор школы Михаил Иванович Безмянников однажды сказал мне, чтобы я передал бабушке, что "завтра будем вступать в пионеры, пусть сошьёт тебе красный галстук". Что я и сделал в точности, сохранив даже интонацию сказанного. Бабушка была, как и мама, глубоко верующей. Она аж возмутилась: "Вечно ты, Коля, во что-нибудь да ступишь: то в говно, то в пионеры! А красную тряпку на шею только овечкам повязывают, чтобы отличать своих от чужих". Всё это я передал директору, также сохранив интонацию. В пионеры мне всё же пришлось вступить, и ходить строем, и петь "Взвейтесь кострами", и отвечать на " Будь готов!" "Всегда готов!".

В другой школе, в с. Пономарёвка, я проучился в 5 и 6 классах. И там такая же, как и во всем Советском союзе, атмосфера лицемерной жизни, двойных стандартов даже в мелочах. Хорошо, хоть пользование солнцем, воздухом и водой было ещё не под запретом и не дозировано, как сейчас, в XXI веке, в другой стране - России. Родители долго думали и придумали, выкупив меня из советского крепостничества, отправить учиться в г. Бирск. Отец, зарезав барана и прихватив с собой две бутылки самогона, поехал к своему другу тов. Ядренникову, работавшему председателем сельсовета, заранее подготовив справку о том, что колхоз "Россия" разрешает выезд на учебу в г. Бирск Гребенщикову Николаю Андреевичу. Уговорив председателя принять в дар тушу барана, пока тот перетаскивал ее из телеги в помещение, отец, взяв со стола сельсоветскую круглую печать, скорёхонько оттис-

нул-"проявил" ее на справке. А потом, обмыв сделку, отец отправился домой. А я навсегда теперь избавившийся от советского крепостного ярма, свободный! стал квартировать у тетки в г. Бирске, поступив учиться в 7-й класс городской школы № 4.

В 1960 году я, окончив среднюю школу, поступил в Бирское медицинское училище на фельдшерское отделение.

В 1963 году, защитив диплом, я поступил 19 апреля на работу в Бирскую райбольницу горздравотдела в качестве инструктора по охране детства и младенчества детской консультации г. Бирска, затем работаю педиатром на 2-ом городском участке (ул. Советская и 2-ой Пятилетки).

В 1964 году я поступаю в Башкирский госуниверситет (БГУ) на факультет иностранных языков, немецко-французское отделение. Вскоре перевожусь на заочное отделение, и уже 7 декабря 1964 года начинается моя журналистская карьера.

07.XII.1964 принят в редакцию Бирской районной газеты "Победа" на должность литературного сотрудника.

12.IV.65 - 17.IX.66 работа в редакции газеты "Заря" Калтаинского района БашАССР на должности ответственного секретаря.

15.X.66 - 05.VI.67 работа в "Башпотребсоюзе" (г. Уфа) на должности инструктора правления с исполнением обязанностей литсотрудника газеты "Кооператор Башкирии".

06.VI.67 - 17.IX.67 работа литсотрудником на гонораре в республиканской молодежной газете "Ленинец" (г. Уфа).

Потом начинается мое большое "ралли" по редакциям европейской территории Советского союза. Первой станцией был г. Калинин (ныне г. Тверь), где я трудился в редакции молодежной газеты "Смена" на должности младшего литсотрудника отдела учащейся молодежи.

Именно там, в Калининне, я познакомился с поэтом А. Д. Дементьевым, сотрудником областной партийной газеты "Калининская правда", одновременно руководившим ли-

тобъединением местных молодых литераторов. Четыре месяца я с удовольствием ходил к нему на занятия, учился писать стихи.

01.II.68 - 25.V.68 работа литсотрудником в редакции районной газеты "Родина" (г. Чудово Новгородской области). А потом начинается мой карельский период журналистики. Первым пунктом пребывания у Полярного круга стал поселок Лоухи, где в газете "Коммунист" я проработал с 10.VI.68 по 23.II.70 в качестве ответственного секретаря. Затем наступил самый прекрасный период в моей журналистской и литературной деятельности. Ответственным секретарем в редакции районной газеты "Беломорская трибуна" я проработал с 10.III.70 по 11.VIII.78 года, одновременно руководил литобъединением молодых литераторов г. Беломорска. При местной райбиблиотеке создал и возглавил литературный клуб "Гармония", который существует и действует по сей день.

В Беломорске, работая в газете, я написал свою первую поэтическую книгу "Студёный причал", которая была выпущена в свет издательством "Карелия" (г. Петрозаводск) в 1976 году.

В 1972 году поступил на заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького (г. Москва) на факультет литературного творчества.

Работая в "Беломорской трибуне", в начале 70-х годов был принят в члены Союза Журналистов СССР. С 08.IX.78 года начинается мой петрозаводский период, когда по переводу из Беломорска был принят в качестве референта бюро пропаганды литературы СП КАССР, а 27.IX.78 был переведен на работу в Правление Союза писателей КАССР в качестве литконсультанта. С 24.VI.80 по 10.X.82 (опять же по переводу) занимал должность инструктора Карельского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК).

С 14.X.82 по 18.XII.86 работа в тресте "Петрозаводскстрой" на должности методиста учебного центра с исполнением обязанностей социолога НМЦ профориентации молодежи.

В 1981 году в издательстве "Карелия" выходит второй поэтический сборник "Ветер над морем". Библиотечно-самиздатовские книги: "Яблоки Елабуги. Моление о Марине", поэма (2005 г.) ; "Le zero et l'infini " (Ноль и бесконечность) 2006 г. ; малый вариант "У Гандвика на берегу" 2007 г., все изданы в г. Беломорске. В 2008 году в издательстве "Периодика" (г. Петрозаводск) вышла (шестая по общему счету) книга стихов "У Гандвика на берегу".

После принятия в члены СП Карельской АССР я работал профессионально, как говорится на "вольных хлебах", и одновременно в редакции республиканской молодежной газеты "Комсомолец". Почти пять лет моего труда по небрежности главного редактора газеты А. Фарутина не были зафиксированы в трудовой книжке и не вошли в общий стаж трудовой деятельности.

В 1991 году, вернувшись на постоянное место жительства на "малую родину", я открыл "бирский период" своего творческого пути.

В связи с дороговизной публикации очередных сборников стихов в бумажном варианте, я перешел на электронный вид публикаций. Я публикую свое творчество абсолютно бескорыстно и бесплатно, используя видео, аудио, и текстовые записи.

В 2012 году опубликовал Вконтакте в своей группе видеозапись моего прочтения поэмы "Яблоки Елабуги. Моление о Марине", аудиозаписи многих моих стихотворений, в том числе и из новой, пока неизданной книги "Босиком по небу"; начал публиковать прозаические вещи из цикла "Записки кислого интеллигента" (рассказ "Кумир и фанаты"). Также мои стихотворения публикуются в моей группе в

Одноклассниках, на моих личных страницах Вконтакте, в Facebook и Twitter. В LiveJournal мои дневниковые записи из "Поле жизни" и др.

P.S. В 2013 году были напечатаны в электронном виде 2 сборника стихов - "Долгий ящик" и "Босиком по небу"; часть стихов из этих сборников, в основном из первого, опубликованы на сайте www.stihi.ru . Начата работа над сборником прозы "Мамины рассказы", которые опубликованы на сайте www.proza.ru . А рассказ "Кумир и фанаты" взят из цикла "Записки кислого интеллигента", который написан ещё в советское время, но до сих пор нигде не опубликован.

Произведения Н. А. Гребенщикова

Гребенщиков, Н. А. Босиком по небу : новые стихи / Николай Гребенщиков ; [сост. Белоусов О. В.]. - Николаевка : МБУК "МБС МР Бирский район РБ", 2013. - 53 : ил., портр.

Гребенщиков, Н. А. Ветер над морем : стихи / Николай Гребенщиков. - Петрозаводск : Карелия, 1981. - 53, [1] с.

Гребенщиков, Н. А. Долгий ящик : (оштрафованные строфы) / Николай Гребенщиков ; [сост. О. В. Белоусов]. - Николаевка : МБУК "МБС МР Бирский район РБ", 2013. - 60 с. : ил., портр.

Гребенщиков, Н. А. ZERO и бесконечность : [стихи] / Николай Гребенщиков. - Беломорск : [б. и.], 2007. - 38 с.

Гребенщиков, Н. А. Студеный причал : стихи / Николай Гребенщиков. - Петрозаводск : Карелия, 1976. - 70 с.

Гребенщиков, Н. А. У Гандвика на берегу : стихи о Поморье (1969 - 2006) / Николай Гребенщиков ; [предисл. Константина Гнетнева]. - Петрозаводск : Периодика, 2008. - 204, [4] с. : ил., портр.

Гребенщиков, Н. А. Яблоки Елабуги : (Моление о Марине) : поэма / Николай Гребенщиков. - Беломорск : [б. и.], 2005. - 42, [1] с.

Публикации в периодических изданиях

Гребенщиков, Н. А. Весна в слободке : [стихи] / Николай Гребенщиков // Север. - 1974. - № 3. - С. 54-55 : портр.

Гребенщиков, Н. А. Ветра верховые... : [стихи] / Николай Гребенщиков // Север. - 1979. - № 9. - С. 70 : портр.

Гребенщиков, Н. А. Долгий берег : [стихи] / Николай Гребенщиков // Север. - 1976. - № 11. - С. 71 : портр.

Гребенщиков, Н. А. Новые стихи / Николай Гребенщиков // Север. - 1975. - № 8. - С. 32 : портр.

Гребенщиков, Н. А. Отчина моя : [стихи] / Николай Гребенщиков // Север. - 1985. - № 12. - С. 53-54 : портр.

Гребенщиков, Н. А. "Позвала домой деревня..." : [стихи] / Николай Гребенщиков // Север. - 2013. - № 3/4. - С. 203-204.

Гребенщиков, Н. А. Протяжное побережье : [стихи] / Николай Гребенщиков // Север. - Петрозаводск, 1983. - № 4. - С. 78 - 79.

Публикации в сборниках

Ожидание : [коллективный сборник стихов]. - Петрозаводск : Карелия, 1974. - 57 с.

Трибуна сопричастности / [авт.-сост.: Т. И. Титова, Н. Б. Отченаш, А. И. Цыкунова]. - Петрозаводск : Verso, 2013. - 287, [1] с., [4] л. цв. ил. : ил., портр.

"Я волю дал любви..." : Сборник стихов молодых поэтов Карелии / Сост. В. Устинов. - Москва : Современник, 1985. - 112 с. - Петрозаводск : Карелия, 1981.

Публикации о жизни и творчестве Н. А. Гребенщикова

Валентик, А. "Здравствуй, студеное, Белое море!" / Александр Валентик // ТВР-Панорама. - 2008. - 26 нояб. (№ 48). - С. 12

Гнетнев, К. Пусть светит! : клубу любителей поэзии в Беломорске исполнилось 35 лет / Константин Гнетнев // ТВР-Панорама. - 2008. - 16 янв. (№ 3). - С. 10.

Гнетнев, К. "Я всех друзей люблю" : памяти поэта Николая Гребенщикова [из Беломорска] / Константин Гнетнев // Беломорская трибуна. - Беломорск, 2014. - 20 ноября (№ 46). - С. 3

Костин, И. Стремнины и заводи : (заметки о творчестве молодых поэтов Карелии) / И. Костин // Север. - 1976. - N 5 - С. 116-120

Слово о поэте : [о Н. Гребенщикове] // Беломорская трибуна. - 2005. - 27 окт. (№ 42)

Николай Гребенщиков
Счастливым причал

1. «Подарок».

В Беломорске я нарисовался как раз в канун 8-го Марта. На Солунина, 32 отмечали всем коллективом. О том, что «сего дня» приедет для «Беломорской трибуны» «подарок», как меня обозвал Ф. И. Титов, замредактора, он ни словом не обмолвился ни с редактором Б. Н. Печёнкиным, ни с коллективом.

И вот, как торт, к столу являюсь я с мимозой и поздравлением в стихах. Подумали: пришёл благодарный читатель газеты. С Фёдором Ивановичем мы заранее сговорились так поступить, ещё на совещании молодых литераторов в Петрозаводске, где он представлял, как прозаик, «Беломорскую трибуну», а я – Лоухский «Коммунист».

В ходе «процесса» Титов предложил народу за столом тост: «А теперь, товарищи, давайте выпьем за ответственного секретаря, чтоб у нас он прижился, чтоб ему у нас полюбилось, а нам пришёлся ко двору!» Все переглянулись, пожимая плечами, но рюмки подняли. «Мой подарок коллективу» - сказал Титов, указывая на меня. С год меня обзывали «подарком», пока не забылось...

А 10 марта 1970 года, согласно приказу №7 от 6 марта, началось моё служение в «Беломорке» на посту ответственного секретаря. Длилось оно 8 лет, 5 месяцев и 1 день.

2. «Юбилей».

Жил я в Золотце, в двухкомнатной квартире, полученной от редакции. Когда-то это был посёлок гидростроителей. Восьмиквартирники, рассчитанные на 25 лет, до сих пор ещё стоят без капремонта и служат трудовому народу.

Сказать, что коллектив редакции у нас был дружный – не сказать ничего. Это был – плохой ли, хороший ли, - но единый организм, причём творческий, состоящий из 4 членов Союза журналистов СССР. Наши работы опубликова-

лись во всесоюзной прессе, а у меня, у Титова, у Базаджиева уже были выпущены издательством «Карелия» свои книги. Титов – прозаик, я – поэт, Антон Акимович – фотожурналист.

Наше всё (успехи и неудачи) воспринимали мы, как личное, своё. Отдыхать на Залавругу – вместе, на подлёдную рыбалку – вместе, к Анне Корчуевой на дачу – вместе. И критику друг от друга воспринимали безобидно, как лекарство для излечения, а похвалу тем более, если, конечно, она не в насмешку.

Помню свой 30-летний юбилей, 15 сентября 1973 года. Собрались всем коллективом у меня в Золотце. В маленькой комнате - рабочий кабинет, а гостиная убрана по-восточному. На полу – огромная шкура бурого медведя, подушки для сиденья. Телевизор на полу, а вдоль стен полки с книгами. В углу – чудесный электрокамин с баром, а в баре – коллекция редких тогда вин и напитков, ассортимент разных рюмок.

Я приготовил плов по-узбекски, выставил на столик с низенькими ножками разные сладости, привезённые из Ленинграда. Надел халат, нахлобучил чалму, и все, скрестив ноги, уселись вокруг плова. Произносили спичи, читали стихи, кто что помнил, а потом... было утро.

Выйдя из кабинета, глазам не поверил. Блюдо с недоеденным пловом стояло, как стояло, в центре, а вокруг него на шкуре отдыхали мои коллеги, головами на подушках для сиденья. Каминный бар был пуст. Коллекция усохла.

Стали вспоминать и хохотать, как продолжалось веселье после моего ухода спать. Оставшись в гостиной, ребяташки отдегустировали без остатка всё, что я насобирал, причём яванский ром закусывали русскими солёными огурцами. И было всем смешно и весело, когда автобусом мы возвращались в Беломорск, на работу. Газета ждать не любит.

3.«А.А.Базаджиев».

Антон тоже в Золотце жил, улицей ниже, к воде ближе. Бывало, приедет в редакцию, усядется в своё барское кресло и, закрыв глаза, пычкает трубкой. Посмотришь – спит, но я-то знал: у него такая манера работать. Так он всегда готовился к съёмке. Обмозговывал задание час-два, потом мы шли обедать в «Жёлтый дьявол». Насытившись, мы расходились по кабинетам, а он – на объект с кофром через плечо. У него была страсть к немецкой оптике, а любимая фотоплёнка – фирмы «Кодак». Дорогущая, зато надёжная. И делал он всегда много кадров, много отпечатков, чтобы я мог из чего выбрать тот, единственный снимок, что был нужен мне и достоин его, как автора; а это ужасно трудно – любой снимок, как на подбор.

У Базаджиева было два пристрастия снимать: человеческие лица и природу. Он всегда находил такой ракурс и такое освещение, что любой, даже нефотогеничный человек смотрел на тебя не остолбеневши позируя, а естественно живо.

До «Беломорской трибуны» он работал истопником в городской кочегарке. Родом из г. Шевченко возле Каспия. Мать – Анна, русская, отец – армянин. А характер у Антона Акимовича нордический. Лёд, а не пламень. Но это только внешне. Просто он всегда увлечён любимым делом и на нём сосредоточен. Меня он понимал с полуслова, что между ответсекретарём и сотрудниками бывает крайне редко.

Помимо фотодела Антон любил рыбалку (зимнюю и летнюю), а я нет – рыбоед. Но нас объединяла, кроме работы, любовь к музыке, особенно симфонической, и к поэзии. И он, и я часами могли слушать Баха или Бетховена. Приходили домой друг к другу, пили кофе, курили и молча слушали музыку. И расходились молча. И ничего больше.

4.«Процесс».

«Жив капшак, красна кофта, турецкие рукава?» - всегда спрашивал по утрам вместо «здрасьте» Фёдор Иванович,

входя в наш с бухгалтером Галиной Захаровной Патриной кабинет. Сам Титов, хоть и зам. редактора, сидел в одном большом помещении вместе с остальными литсотрудниками. Персональную «камеру» занимал только редактор Б.Н. Печёнкин.

С утра, как правило, планёрка, потом до обеда пыхтение за столами, потом обед в «Жёлтом дьяволе», потом сдача материалов секретарю, т.е. мне. А потом до вечера пыхтение начинается у меня: все статьи, репортажи, очерки, заметки надо прочесть, отредактировать, кинуть на машинку, чтобы после авторы, вычитав свои, исправленные мной, Титовым и Печёнкиным труды снова сдали в секретариат, но уже для вёрстки.

При плоскопечатном производстве газета делалась долго. Каждая заметка, написанная автором, читалась зав. отделом, секретарём, редактором, машинисткой до и после троекратной правки, только потом шла в набор, линотипистке. Потом вычитывались гранки, потом 1-ый оттиск полосы, считка, сверка с оригиналом, 2-3 корректорских вычитки. Потом редакторская читка, и – наконец – подпись редактора на готовом к печати листе разворота: «В свет».

Теперь тираж 1-2 тысячи, а у нас при плоской шлёпалке был 10,5 тысяч экземпляров. Народ газету ждал, читал «от корки до корки», как говорится. И очень много поступало писем в редакцию от читателей. И не только жалоб на плохие дороги и протекающие крыши.

У редакции был завидный авторский актив. Даже начальники отчитывались о деятельности своих контор без отписок, а серьёзно и обстоятельно, на понятном народу языке. Газета «Беломорская трибуна» из «сплетницы» превратилась в информатора и посредника между народом и властями.

5. «Капшак» в «БТ».

- При тебе, - сказала с горечью мне метранпаж Лоухской типографии Наталья Петровна Попова, родная сестра ре-

дактрисы Ольги, - у нашего «Коммуниста» было лицо, а теперь осталась пупырчатая рожа. Как ты нас гонял, помнишь? Мы стонали, но делали повторную работу за одну и ту же плату. Молодец, дай Бог тебе здоровья!

Разговор этот был на совещании работников печати республики Карелия в Кондопоге. Мы оба были участниками.

- Я всё время смотрю теперь «Беломорку», как из «замухрышки» выросла «дама».

Ах, Наталья Петровна, знала бы ты, чего мне это стоило!

Для сведения скажу, что из 10 центрально-районно-республиканско-областных и многотиражных газет, где я протрудился всю свою жизнь газетчика в качестве ответственного секретаря, «Беломорская трибуна» была последней. В Петрозаводском «Комсомольце» я уже работал консультантом отдела литературы. Потом ушёл в науку. Пять с лишним лет занимался социальной психологией в Петрозаводском научно-методическом центре профориентации молодёжи.

И в Лоухах (карельских), и в Калтасах (башкирских) – везде для типографий и редакций я был тираном. Мой принцип: если должно быть, значит быть должно! Ответственный секретарь – это главный инженер на предприятии; он его создаёт и строит, а директора – редактора – только распоряжаются, руководят. Я ненавижу генетически «абыкабыкабнибушников». Взятся – сделай, чтобы не краснеть от стыда за содеянное.

На бланках материалов, сдаваемых в типографию, в «запас» для набора, мне надоело выписывать «Беломорская трибуна», и я сократил до «БТ». Это был 1971 год, самое его начало. Потом все привыкли к аббревиатуре.

В 1972 году общее собрание коллектива редакции постановило не препятствовать, а способствовать моему поступлению в Литературный институт имени А. М. Горького. В Москве я протолкался 4 месяца, но поступил и стал учиться. В «БТ» Г. З. Патрина умудрилась законодательно

оформить моё неприсутствие в присутственном месте.

Дважды в год я ездил в Москву на экзаменационные сессии, и в редакции не только не скулили из-за моего отсутствия по 2 месяца два раза в год, наоборот, гордились: «Наш капшак из нашей тьмутаракани учится в Москве, в Литинституте на поэта!»

К этому времени меня приняли в Союз журналистов СССР, в издательстве «Карелия» выпустили коллективный сборник стихотворений «Первопуток», где из 10 отдельных книжек под одной обложкой (по одному печатному листу объёмом) была и моя. Название не помню. Д. Я. Гусаров публиковал меня в журнале «Север» каждый год. Начали в Ленинграде, а потом в Москве обзывать меня поморским поэтом, или из Беломорска. Ф. Титов, как всегда с юмором, при случае и без подшучивал: «Смотри, полюбим – Башкирия запросит алименты!» Так и случилось. Башкирия не задавилась, а Поморье и поморы зачислили меня в «свои капшаки». Вот уже более двух десятков лет живу я на прародине, в Николаевке под Бирском, физически, а душой – в Беломорске и в Карелии вообще, как будто и не уезжал, а временно откомандирован.

6. Стоп-кадр.

Как-то Базаджиев пришёл в контору не утром, а вечером. «Ты что, загулял или позвонить не мог?» - накинулся я на него. «Телефон дома, а я с утра дома не был». Ещё более непонятным сделалось его отсутствие.

Оказалось, он целый день мотался по городу, по предприятиям, «искал лицо для портрета». «Какого портрета? Я тебе не заказывал». «Ты – нет, а вот в стране объявили все-союзный конкурс фотопортрета. Я тоже хочу принять в нём участие». «И чью же физиономию хочешь увековечить?» - съехидничал я.

- Твою, - спокойно и решительно ответил Антон Акимович. – Значит так: рабочий день кончился, это в редакции, а у нас начнётся. Едем в Золотец, я беру аппаратуру, софиты,

иду к тебе домой и буду «мучать», искать «стоп-кадр».

«Щёлкать» меня он начал часов в семь вечера или в половине восьмого. Я не шибко-то переживал, ну, думаю, 2-3 раза щёлкнет и всё, займусь своими делами. Как бы не так!

Работа закончилась под утро. «Всё, - говорю, - ты меня достал, ослепил софитами, глаза режет, вообще я есть хочу, спать, а больше всего курить». «Ладно, кури, сделаем передышку» - согласился он. Я, измученный фотосъёмкой, позированием, и его верчением меня, уселся прямо на столе, с величайшим наслаждением закурил свою любимую «Шипку» и задумался, вероятно, глядя в никуда.

Пришёл в себя, когда Антон скакал вокруг меня, трясая седыми волосами, и приговаривал, растягивая слова: «Всё, сняли твою «физию», сняли, чую, кадр получился. Пам-парам-парам!».

Фотографию он отпечатал размером 70 см на 1 метр и отправил в Москву. На фото я был в норвежском свитере грубой вязки, с каким-то не от мира сего взглядом и сигаретой в правой руке, превратившейся в пепел, висящий около глаз. Этот снимок был признан лучшим среди нескольких тысяч участников всесоюзного фотоконкурса. У меня до недавних пор ещё хранился этот метровый снимок. Позже я использовал его для первого серьёзного сборника стихотворений «Студёный причал».

Вот так вот и работали раньше мастера. Потому к ним и удача чаще приходила.

7.В возрасте Христа.

Первый самостоятельный сборник стихотворений я выпустил в свет в возрасте Христа. Назывался он «Студёный причал». Это было в 1976 году. Естественно, мне 33.

Издательство «Карелия» исполнило его с любовью и полиграфическим профессионализмом. На финской глянце-вой бумаге, с базаджиевской работы фотопортретом на суперобложке, в карманном формате солидным тиражом.

Мой первый литературный блин не оказался комом, на-

оборот, произвёл фурор у читателей и коллег писателей. Первые отзывы, и даже первая рецензия в еженедельнике «Литературная Россия» не вскружили мне голову. Я по-прежнему жил в Беломорске, секретарствовал в «БТ» и продолжал учиться в Литинституте.

Слов нет, как было приятно, когда мой «Студёный причал» в числе других немногих книг издательства «Карелия» вошёл в число лучших с полиграфической точки зрения в Финляндии и на международной книжной ярмарке в Германии.

Издатели и особенно редактор Юлия Васильевна Слюсарева предлагали мне назвать книгу не «студёным», а «счастливым». Я возражал, ибо Беломорск – это причал, на берегу Белого моря, одно из поэтических названий которого – Студёное. А причал мой и в реальной жизни оказался счастливым.

Я страшно рад и горд. «Если спросите откуда, я скажу – из Беломорска...»

Ник. Греб. 20 июня 2013 г. село Николаевка.

Гребенщиков, Николай. Счастливый причал / Николай Гребенщиков : Режим доступа //http://www.proza.ru/2014/07/28/1965, свободный.

Николай Гребенщиков *Родовое гнездо*

Дом у нас не большой, не маленький, пять на шесть, с прирубом. Отец с мамой ставить его начали сразу же после свадьбы, в 1931 году. Из новья бы лучше, да мощна не позволяла.

По бедноте своей приглядели дом в деревне, крепкий ещё, бревенчатый, конечно; каждое бревно – в полметра толщиной. Хороший был пятистенок, видать, поставленный самостоятельным хозяином.

Перевезли по бревну на лошади, на передке от телеги, а потом строиться стали. Соседи тогда жили очень дружно, чуть что – увидят, придут сами, помогут, даже звать не на-

до. О том, что надо платить помощникам за каждый удар топором, никто тогда и слыхом не слыхал. Навяливать будешь – не возьмут. Ещё и тебя же стыдить станут: ты чего, мол, белены объелся, деньги предлагаешь. Если вот «настойка кака», тогда другое дело, никто не отказывался, даже бабы.

Основное веселье было, когда дом собрали, когда батюшка освятил, тайком, конечно. Махровый атеизм процветал, ежели бы кто донёс про попа, тогда бы и я в этом доме не родился, а то живу в нём и радуюсь, семь десятков доживаю. Вот какой крепкий домище, обжитое гнездо как-никак.

Родителей давным-раздавно уже нет, а он, их создание, стоит, чуть-чуть покосился, правда, восточным углом. Думаю, на мой век хватит, и ещё, пожалуй, достанется кому-нибудь доброму человеку. Дай Бог!

Ну, здравствуй, что ли, 13 апреля 2013 года! Думал ли я, каким ты будешь через полвека? Вряд ли...

Встал, как всегда, рано – в 6 часов. Боли, разыгравшиеся вечером, за ночь отпустили. Сварив кофе, выглянул в окно: пасмурно, хмуро. Снег, как облезлая шкура, дотаивает на горушке, а речка – одно название! – ленточка серо-бурого цвета, растянута по логовине. Берёза в палисаднике за окошком отмахивается от северо-восточного ветра плакучими веточками в серёжках. Б-рр! Даже в избе чувствуется, что на улице не выше 5-6 градусов. На проводах, как нотные знаки на линейках, сидят 2 пары моих возвращенцев. Скворушки прилетели вить гнёзда, а тепло задержалось в дороге.

Хотел затоплять голландку, но что-то призвало меня к письменному столу. Оказалось, - стихотворение.

Вожди

У Ленина в жёнах была назначенка.

У Сталина – взятая силой девчонка.

И обе Надежды не оправдали, (ей-ей!),
Как должно, надежды обоих вождей.

Одна бы могла, но – увы! – не рожала.
Другая родила, но жить не смогла.
Одна, как партия, не ревновала.
Другая ненужность свою поняла.

Один, накатавшись на велосипедах,
От Льюиса степень в конце получил.
Другой, самозванец, в Верховных Доспехах,
Житьё ради власти, как нищий влачил...

Натешили души слезами людей,
Ушли, не покаявшись миру, и вот -
И саван деяний в земле не гниёт...
Известны финалы злодеев-вождей.

Николай Гребенщиков

От автора

“Долгий ящик”... Раньше бы назвали – сборник крамолы. Я же называю “Оштрафованные строфы”. Оштрафованные недозволенностью увидеть свет. Запретом коммунистической, руководящей народом и направляющей ролью партии, казавшейся незыблемой, оказавшейся временной, как и всё, что она направляла, и всё, чем руководила, оказалось советским Вавилоном. Библейский Вавилон строили люди, отважившиеся превзойти Создателя. И Он за высокомерие и дерзость наказал их простым способом – смешал языки, отчего строители перестали понимать друг друга, и замысел их превратился в ничто. Вавилон советский осознанно возводился на ложном фундаменте. Скрепляющим материалом была утопия и ложь. Век не забуду ленинскую фразу о рабкорах: “Если в посту-

пившей информации с мест есть хоть 10% правды, уже можно публиковать в «Правде», что и делалось с успехом. Советский Вавилон разрушили с радостью наследники строителей, даже не потребовалось вмешательство Бога. Стихи мои - а некоторые были написаны сразу же после «Хрущёвской оттепели» - не утратили своей актуальности. Некоторые стали появляться в печати сразу же после горбачёвского апреля 1985г.

"Ода к радости"

У этих стихов роковая судьба,
Они пролежали в утробе стола,
Не ели, не пили, не смели дышать,
Как чёрствая корка, засохла душа.
Но вот, объявился «Апрель-бокорея»,
Стихи разлетелись
Вить гнёзда скорей.
Смотрите,
И правда, старательно вьют
И вот, "Оду к Радости"
Ясно поют.

Раньше «крамола или нет» определяли «компетентные органы». Не партийные, не хозяйственные, а «промежные» у партии органы или проще – охранка, жандармы, называемые в народе «абвгдэйкой».

Теперь, слава Богу, ничего подобного нет, и вряд ли уже когда-нибудь будет – народ изменился, повзрослел, возмужал, поумнел. Осталось бы избавиться от совдеповских комплексов. Пузо жратвой набили до отказа, не пора ли заняться каждому из нас воспитанием, возвышением, облагораживанием душ своих.

В этом деле я всегда с вами, братья и сёстры. Буду рад, если и вы останетесь со мною в друзьях.
Ник. Греб. 21.03.13. село Николаевка.

Гребенщиков, Николай. От автора / Николай Гребенщиков : Режим доступа //http://litsait.ru/users/Nagrebayki, свободный.

Владимир Судаков

Николай Гребенщиков: «Небо под руку водить!»

Сегодняшние молодые, скорее всего, и не слышали этого имени, а между тем в 1970 –1980-х годах Николай был на взлете, стихи его, тогда жителя Беломорска, ждали. Короче, он был надеждой республиканской поэзии, если так можно выразиться. Многочисленные публикации в газетах и журналах (в том числе и в «Севере»), два его поэтических сборника «Студеный причал» (1976) и «Ветер над морем» (1981) – тому материальное доказательство. А потом была перестройка, его отъезд на родительскую родину – в Башкирию, и там (для нас) он затерялся.

Когда же с большим трудом удалось разыскать Николая, он так написал о своих последних годах: «Уйдя в затвор, я промолчал тринадцать лет...Читающий, не улыбайся... Попробуй лучше пожить в затворе, молча... Я научу».

Под стихами разных лет, присланными им, то и дело мелькают подписи: «Беломорск», «Лоухи», «Лиинахамари», «Петрозаводск», «Таллин», «Москва», «Виннипег», «Николаевка»... Последняя – башкирское село, где сейчас живет Николай. И откуда шлет привет нашему краю, где стал поэтом.

Хватает ли ему там простора без нашего Белого моря? Он в письме оговорился: «Уезжать поздно... Старую яблоню не пересаживают...»

Пионер Залавруги

Валуны вылезли на берег,
смешные,
неловкие, как тюлени.
На скалах они разомлели

от нежности, а не от лени.
И пялились из любопытства:
«Что-то он так выскребает?! –
Оленя?.. Тюленя... И – лыжи...
А вот и себя, чуть пониже...»

БОТ

Распятый льдами,
словно Бог,
на каменном кресте залива
лежит забытый всеми бот:
хозяев ждал
или прилива?
1971, Беломорск

Падший ангел

Ему качаться бы на ветке,
да слушать птичьи голоса,
да светом солнечной расцветки
слепить святые небеса.
Но – лист – упал...
О горькой доле
зашепелявили ветра:
баркасам, карбасам и зорям
на отмель вылезти пора.
Не осенить.
Не осеняться.
Ветрам – листвой руководить.
А мне? – Взрослеть.
Остепеняться
да небо под руки водить!
1972, Беломорск

Бегство

Намаявшись за день, сопят избы.
У пирса в песке что-то шарят волны.
Кинжалом вспорото чрево белой ночи.

Молчат над вечным покоем сосны.
В холодной парилке вокзала гадко.
Не – там – и – не здесь...
Везде страшно.
Боже,
Не верил: насколько красота опасна!
Спаси меня, мурманский скорый поезд.
1978

Мы – на перепутье,
мы – на перевале,
вкруговую дымится даль.
Пере – горели,
пере – горевали.
Боже! –
Зацвел миндаль!
1982, Гурзуф

Из биографии

Дедушка – гнал деготь,
бабушка – пряла шерсть.
Всего было в доме вдоволь:
обуть, и надеть, и поесть.
Дедушка – разговорчив,
бабушка – все молчком,
дед забавлялся творчеством,
бабушка – молочком.
Дедушка – с полотенцем,
бабушка – с топором.
Начните с поры младенцев:
добро не живет с добром.
Бабкины таловницы*,
дедкины шкуряки**...
– Ой, чьи это рукавицы?!
Аль не с моей руки?!
2001, Николаевка

* Таловницы – тальниковые прутья для сечения задниц.

** Шкуряки – кожаные варежки, рукавицы, шубинки

Судаков, Владимир. Николай Гребенщикова: «Небо под руки водить!» /

Владимир Судаков : режим доступа //

<http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1411/21.html>, свободный.

Константин Гнетнев

Памяти поэта Николая Гребенщикова

«Я всех друзей люблю и помню...»

Пройдёт ещё немного времени, и в молитвах об усопшем рабе Божиим Николае мы перестанем употреблять слово новопреставленный. Свершится частный суд, и Господь упокоит его душу в месте, для неё уготованном до скончания века.

Судить – не наше дело. Наше дело сокрушаться о потерянном и радоваться обрётённому. Жизнь поэта Николая Гребенщикова даёт возможность и для того, и для другого. Одно ясно уже сегодня: это настоящий Поэт, и второго такого Поморье будет ждать долго.

Мы часто ошибаемся, думая о поэте, как о человеке слабым, к жизни неприспособленном, путанике. Но кто из успешных и утвердившихся ТАК уходил из жизни? «К сожалению, болезнь оказалась сильнее меня, и я чувствую, что мне остались последние дни на этом свете! Поэтому хочу попрощаться со всеми, кто меня знал. Друзья, знакомые, бывшие одноклассники, однокурсники, сослуживцы и все, с кем свела меня

судьба в течение моей жизни – хочу сказать вам и судьбе спасибо за то, были в моей жизни! ... прошу лишь об одном напоследок – запомните меня таким!»

Чтобы рука вывела такие мужественные слова у самого порога, нужно обладать очень сильным духом.

Я не видел его другим, тем стариком из Николаевки, ко-

торый смотрит на нас теперь с последних фото. Мы в последний раз встретились на Ленина в Петрозаводске, вероятно, в середине 80-х. Я приехал из Олонца, была весна, грязно. Гребенщиков в пальто, и шарф свисает до земли. Остановились на минуту. Оказывается, ему дали комнатку в общежитии Радиозавода на Перевалке и он попадает домой из «Петрозаводскстроя», где служит.

- Как живёшь, Коля? – спросил я.

- На рубль в сутки, - ответил он.

Поэтому откликаюсь на посмертную просьбу и вспоминаю о нём ТОМ, из ТОЙ, давней теперь жизни. Каким запомнил.

Николай пришел в редакцию «Беломорской трибуны» в марте 1970 года, я в ноябре. К слову сказать, и ушли мы в один год: я в апреле 1978, он в сентябре. И в том, что я оказался в газете, главная заслуга именно Гребенщикова. Я что-то такое написал, то ли заметку с субботника в зверосовхозе «Выгостровский», где после армии был заместителем комсомольского секретаря, то ли об открытии охоты, и тут возник Николай. Коля в ночь-заполночь стал приходить к нам на 17-й шлюз, пугая маму, сам приглашал в гости в крохотную квартирку на первом этаже бывшего богатого двухэтажного дома за Октябрьским мостом. Ненавязчиво, но твёрдо он заставлял меня писать в газету: «Ну, что там ещё можно, - спрашивал как бы ненароком. – Новый клуб на 16 шлюзе? Давай заметку. А что ещё? Когда принесёшь?» Своя ли это была инициатива, поручение ли редактора Б.И. Печёнкина, или Ф. И. Титова, я не знаю.

Его дом стоял в конце первого переуллка за мостом направо, на самом берегу. Там всё теперь иначе. Помню состояние оглушенности от его эрудиции и знания литературы. Он мог читать стихи часами, сыпал репликами на немецком и латыни. Я моложе только на четыре года, но... Я электромонтёр пятого разряда с вечерней школой и армией за спиной, а у него медучилище и несколько курсов уни-

верситета...

Редакция «Беломорской трибуны» была для него восьмой по счёту, где он успел поработать. Как я узнал теперь, за семь предшествующих лет Гребенщиков сменил девять мест работы. Беломорск стал десятым.

Как и он, могу расценить попадание на работу в тогдашнюю «БТ» как чрезвычайную удачу. Редчайший случай в истории любой газеты и тем более районной: коллектив почти полностью мужской. И ещё одно решающее обстоятельство - высшего в республике профессионального уровня. В ту пору на втором этаже на Солунина, 32 трудились: редактор Борис Печёнкин, очеркист и поэт, лауреат высшей награды Союза журналистов Карелии - премии имени К. С. Еремеева; его заместитель Фёдор Титов, прозаик, лауреат премии им. К. С. Еремеева; ответсекретарь Николай Гребенщиков, поэт; зав. промышленным отделом Сергей Александров, толковый и жесткий экономист; фотокор Антон Базаджиев, участник всевозможных выставок и лауреат...

Как водится в мужских коллективах, оценки каждому раздавали жестко, но справедливо. Радовались новым публикациям друг друга в центральных и республиканских изданиях и журналах, выходу книг, неожиданным и свежим публикациям в своей газете. И часто собирались за столом у кого-нибудь дома, или вечерами после работы уединялись поговорить за стаканом на старом обшарпанном кожаном диване в кабинете, где сидел редакционный бухгалтер и ответсекретарь; порой ходили посидеть с костерком на развалины так и несостоявшегося парка культуры на Пучканде... И здесь и там собирались не только выпить, но главное неформально поговорить о творчестве и взглядах на мир.

Позже эта благодать закончилась: редакционные комнаты заполнили женщины; в атмосфере воцарились хлопотливая хозяйская упорядоченность и земная пёстрая суета.

та. Федор Иванович любил с ноткой горечи сказать: «Ну, понабрали работничков – выпить не с кем...»

Мы втроём: Базаджиев, я и Гребенщиков жили в Золотце, и там просиживали вечерами то у Коли, то у Антона, попивая коктейли, которые они оба научились готовить. Почему-то прилавки тогдашних магазинов были густо заставлены экзотическими ликёрами и наливками. Об этом подробно рассказал сам Гребенщиков, в заметках о годах работы в «БТ». Думаю, лучшие снимки Антон Базаджиев сделал именно тогда, в туалете, где нам порой часами приходилось сидеть колено в колено.

Гребенщиков работал в газете, но очень редко и только по прямому указанию начальства писал, причём писал отлично. Он даже вступил в Союз журналистов СССР, но журналистом быть откровенно не хотел. Да и какой из него партийный журналист, с заметками о ходе соцсоревнования или ленинского зачета? Даже представить себе смешно. А непартийных журналистов тогда не было.

Газета лучше прочих работ давала возможность печататься со стихами, вот он и работал в газете – пока его терпело начальство. Б.И. Печёнкин с его безволием Колю терпел, а коллектив ценил за другие, вовсе не журналистские качества. Именно поэтому «Беломорская трибуна» и стала тем местом, где поэт работал более восьми лет кряду. Нигде на иных работах он не удержался больше.

Николай Гребенщиков написал заметки о работе в Беломорске, на собственном сайте опубликовал подробную автобиографию. Это очень хорошо, поскольку я убеждён, что о поэте ещё будут писать. Придёт время, и жизнь и творчество этого незаурядного человека заинтересует исследователя. В этой связи хочу добавить несколько уточняющих штрихов к его творческой фактологии. И, прежде всего, определиться с первым сборником поэта.

Сам он считает первым сборником «Студёный причал», вышедший в 1976 году в издательстве «Карелия». И это

формально так. Но мне хотелось бы напомнить о другом сборнике – «Завязь» («Поэтический блокнот»), в котором опубликовано десять его стихотворений, выстроенных как главы поэмы с общим названием «Ноктюрн». Вкратце история появления такова.

В начале 1972 года в Петрозаводске прошли дни культуры Беломорского района. Как было принято, показывали достижения все, кто имел к культуре хоть какое-то отношение. Газета «Беломорская трибуна» показала в Союзе писателей Карелии свои литературные страницы. Страницы эти были во всех районках, только в «БТ», по известным причинам, лучше иных. В СП состоялось обсуждение, и сразу двое беломорских поэтов, журналист Н. Гребенщиков и рабочий Сосновецкого лесопункта С. Двойнишников, получили приглашение со стихами сразу и в журнал «Север», и на республиканское совещание молодых писателей.

Это было признание, и ещё какое! К совещанию нужно было готовиться. И Николай (всё-таки ответственный секретарь!) предложил идею: «подвал» в 30 строк на каждой из четырёх газетных полос отдать под стихи. Причём оформить как сборник. Подвал элементарно отрезался от полос, складывался в книжечку-трансформер и закалывался вместе с обложкой обычной скрепкой от школьной тетради.

Вот он, этот сборник, на столе передо мной. Открывается красивой (разумеется, в возможностях тогдашней цинкографии) картинкой и вступительной заметкой. На одной из полос стихи рабочего Сергея Двойнишникова, учителя труда Игоря Еремеева, учительницы литературы Тамары Рыбиной, мастера профтехучилища Владимира Большакова и ученицы 9 класса Наташи Волковой. Именно эти авторы войдут в первый состав клуба любителей поэзии, созданного при районной библиотеке под председательством Николая тогда же в декабре 1972 года.

Вся вторая страница-раскладушка занята стихами самого Гребенщикова. Вероятно, именно здесь впервые опубликовано его известное «Только ты» («Как тоскует свеча по осенним ночам...»), которое появлялось потом в других редакциях. Поэт постоянно работал над стихом, нередко менял редакции, не всегда к лучшему, равно как легко мог сменить и посвящение.

Разумеется, самодеятельный сборник, к слову, посвящённый эстонской поэтессе Деборе Вааранди формально едва ли можно включить в официальную библиографию. Но знать о нём нужно: при тираже районной газеты более чем в 10 тысяч экземпляров, он «весил» гораздо больше, нежели «...Причал» с тиражом в два раза меньше.

Н. Гребенщиков вспоминает, что «...в издательстве «Карелия» выпустили коллективный сборник стихотворений «Первопутки», где из 10 отдельных книжек под одной обложкой (по одному печатному листу объёмом) была и моя». Да, в ту пору СП Карелии практиковал такие выпуски начинающих, или, как тогда говорили, «рабочих» поэтов. Крошечный сборничек Н. Гребенщикова из трёх десятков страниц вышел в обложке «Первопутки» в конце лета 1974 года. В профессиональной среде такие обложки называли ещё «братскими могилами».

«Обложки», «могила», самодельные сборнички, совещания молодых – всё это неуклонно делало своё дело. И вот в 1980 году поэт Н. Гребенщиков, как и прозаик Ф. Титов уже включены в особый раздел справочника «Писатели Карелии» под названием «Новые имена». Ещё один шаг к долгожданному вступлению в Союз писателей СССР...

И сегодня вступить в Союз писателей России не просто (про другие союзики и литературные секты не скажу): нужно пройти настоящее чистилище с неоднократным обсуждением и тайным голосованием здесь, а потом в Москве, а тогда... Членство в СП в Советском Союзе давало право на другой уровень жизни, на вхождение в некий эли-

тарный круг, а потому строго дозировалось и охранялось. Ф. И. Титова два раза принимали в Союз писателей на писательских собраниях в Петрозаводске, но в Москве он не прошел ни разу. Карельская писательская организация приняла в члены СП и Гребенщикова, но Москва...

...Несколько лет назад он написал мне из Николаевки с просьбой отыскать приёмное дело и попытаться выяснить, почему приём в «большом союзе» так и не состоялся. В архивах никаких концов обнаружить не удалось. Я попросил Колю написать об обстоятельствах тех событий, и из ответа, а также рассказов стариков карельского СП понял, что Николай сам всё испортил...

После переезда в Петрозаводск он попал в совершенно иную атмосферу, нежели в Беломорске, и жить в ней оказался не готов. Те, кто регулярно наезжал в Беломорск в составе писательских «бригад» и за дружеским столом хлопал по плечу, хвалил, звал «бросить эту дыру» и обещал всяческой поддержки, попросту отвернулись от него. Ни квартиры, ни угла, ни возможности заработать...

Николай был поэт, не способный и не желающий ни под кого подстраиваться, великолепно образованный и интеллектуально более сильный, чем те, кто правил бал в СП того времени. Помощи он не нашел, встретил равнодушие и холод и стал вести себя порой эпатажно, дерзить. О пристрастии к алкоголю знали, выходки преувеличивали... Он сам написал мне в письме, как после собрания, на котором его приняли в Союз писателей, нахамил председателю правления СП Карельской АССР. О дальнейшем нетрудно догадаться: звонок в Москву, и приёмное дело Гребенщикова Н.А. полетело в корзину...

Всякий поэт начинает с родного порога, с берёзки у крыльца, с дум о маме. Но если он не шагнёт в большой мир, не сосредоточится на душе, которая и есть средоточие всечеловечности, и не увидит Бога, он останется поэтом места. Все пишущие догадываются об этом, но редкие мо-

гут сделать этот шаг. В 1978 году Гребенщиков оторвался от Поморья, в 1991 году оставил Карелию. Пришла и его пора шагнуть...

Такая попытка – поэтическая книга «Ноль и бесконечность», изданная центральной районной библиотекой Беломорска в 2007 году. Он прислал её мне с автографом прямо на обложке: «Косте – с любовью!» На внутренней стороне написал: «Костя! Эта книга мне дороже «Гандвика». Отрецензируй, а?» Он понимал, что его «ZERO...» призвано доказать, что он поэт не только поморской темы, не поэт места, а просто большой Поэт.

Мне же показалось, что шаг ему не удался, и рецензию я не написал.

Да он и сам понял это. Причём сразу. Николай был слишком искушен в поэзии, чтобы не понять. «Никакого Поморья, -- приписал он для меня в самом конце книги, -- но старой потрясенной любовью ко мне... Замолкаю!»

Подтверждением тому, что Николай Гребенщиков остаётся поэтом Поморья и поэтом до сих пор непревзойдённым, стала и его последняя книга, выложенная в интернет. И я не вижу в этом никакой трагедии. «Вот уже более двух десятков лет живу я на прародине, в Николаевке под Бирском, физически, а душой – в Беломорске и в Карелии вообще, как будто и не уезжал, а временно откомандирован,» -- так написал он о своём мироощущении незадолго до смерти. У меня такое же чувство. Какая разница, где живёт поэт: в Карелии, в Башкортостане или в Обителях Небесных, если памятью, творчеством, книгами он всегда с нами?

...Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему Николаю и сотвори ему вечную память.

г.Петрозаводск, Ноябрь,2014

Гнетнев, К. Памяти поэта Николая Гребенщикова / К. Гнетнев : Режим доступа // <http://bel-tribuna.ru/literaturnaya-stranichka>, свободный.

Александр Хватков
Совесть читателей пока спит

Имя жителя с. Николаевка Бирского района, поэта, выпускника литературного института им. Горького, автора нескольких сборников Николая Андреевича Гребенщикова знакомо очень многим, в основном благодаря душевным и актуальным стихам, которые он пишет на протяжении всей своей жизни.

В связи с тем, что нынешний год объявлен Годом культуры, мы решили побеседовать с ним о литературе, поднять проблему чтения, которая с каждым днем становится все актуальнее.

Часто приходится слышать, что в советское время читали больше, а сейчас книги пылятся на полках за ненадобностью...

— В СССР жили литературой, потому ей, как и культуре в целом, уделялось должное внимание. Книги любили и ценили, особенно хорошо публикуемых авторов. В книжных магазинах часто были очереди. Доходило то того, что тексты переписывали и перепечатывали. Сейчас ситуация сильно изменилась, не в лучшую для литературы сторону. В жизни людей на первое место вышли совсем другие приоритеты и ценности. Они обогащают уже не душу, а финансовое положение. Насколько это плохо—не знаю, не стану судить. Если нет у человека тяги к истории и литературе—это очень печально. Не буду говорить за всех, читающие люди были всегда. Вопрос лишь в том, сколько их сегодня.

—А может, сегодня просто нет хороших авторов, которыми бы люди зачитывались. Может, они ждут второго Пушкина?

—Дело совсем не в этом. Уверен, что среди нас бродят много Есениных, Пастернаков, Мандельштамов. Просто без поддержки они варятся в собственном соку. Без воз-

возможности открыто демонстрировать свое творчество, без читателей их звезда постепенно угасает, не разгораясь в полную силу. Интернет спасет лишь частично. Считаю, что единственным выходом из ситуации будет возвращение прежнего отношения к литературе. У нас очень много талантов, особенно в глубинке.

—Ваша жизнь—пример служения искусству. Тяжелой была дорога к признанию вас как поэта?

—Трудной. В детстве не любил стихи вообще. Читал прозу, особенно нерусскую классику, многих авторов переводил, благо учился на факультете иностранных языков. В двадцать лет написал свое первое стихотворение «Апрель в коротеньких штанишках». Его озвучили на всесоюзном радио «Юность». В литературном институте желание учиться появилось после первых публикаций моих стихотворений, уже в довольно солидном возрасте. Поступать туда было очень сложно. Но именно там состоялось знакомство с людьми, повлиявшими на мое становление, как поэта. Это Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский и другие. После окончания литинститута долго публиковался и работал в разных издательствах, помогал начинающим поэтам находить читателей. Сейчас много времени провожу в Интернете.

—Что вы можете посоветовать тем, кто только начинает творческий путь, мечтает о первой книге?

—Не сдаваться. Поэт не может не писать. Каждый со временем обретет своих читателей. Главное—учиться, совершенствоваться. Когда я поступал в литинститут, из двух с половиной тысяч желающих на факультеты принимали 75 человек, в их числе 15—на отделение поэзии. Позже я описал все это в «Записках кислого интеллигента» в главе «Ехал грека». Книга уже почти готова для выхода в печать и, думаю, будет отличным примером для тех, кто решит попробовать себя в качестве студента литинститута. Но еще раз повторю, без поддержки читателя идти к призна-

нию трудно.

—А как вернуть эту поддержку?

—Нужно, начиная со школьного возраста, воспитывать у населения любовь к истории и литературе, делать большой акцент на классику, устраивать встречи с писателями, можно ввести уроки поэзии, кружки. Дети восприимчивы к творчеству. Особо талантливых нужно поощрять, и без поддержки государства здесь никак не обойтись. Только когда люди поймут, что быть поэтом и писателем важно и престижно, когда на гонорары можно будет хоть как-то существовать, лед с реки Литература тронется. И когда в библиотеках снова будут сотни посетителей, можно смело сказать, что у людей проснулась «литературная» совесть. Искусство должно быть неотъемлемой частью каждого человека. Тяга к прекрасному не навредила еще никому. Здесь очень важно еще и правильное семейное воспитание. Вся русская литература стоит на отдельных сильных личностях, которым в свое время помогла любовь читателей. Искусство—как матушка-земля: чем дальше от него человек отдаляется, тем меньше в нем остается человеческого.

Хватков, Александр. Совесть читателей пока спит / Александр Хватков : Режим доступа // <http://www.birskpress.ru>, свободный.

91.9 : 83

Г 79

Гребенщиков Николай Андреевич

Краткий библиографический справочник

Литературно-библиографическая серия «Дарованье»

(Дарованье, нья; ср., ед. 1. Талант, способность, дар ума, дарованье. 2. Счастье, доля. (Источник: Дуров, И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. - Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. - 453, [1] с. : ил.)

Составитель, дизайн обложки, компьютерная верстка
Г. Сергеева, библиограф отдела обслуживания МБУК «Беломорская ЦБС»

Наш адрес: 186500 Карелия, г. Беломорск
ул. Солунина, 32А
Центральная районная библиотека

Гребенщиков Николай Андреевич : краткий библиографический справочник / Центральная районная библиотека; Сост.: Г. Сергеева . – Беломорск : Центральная районная библиотека, 2015. – 14 [2] с.

© Беломорская центральная
районная библиотека, 2015

Формат 90*60 1/16
Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 1,1
Тираж 3 экз.